

ПРОЕКТ «ЗАМКНУТОГО ТОРГОВОГО ГОСУДАРСТВА» И.Г. ФИХТЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ «СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ»

А.А. Чанышев

Центром тяжести политико-правовой концепции Фихте, как это и было в предшествующей либеральной европейской традиции, в частности у просветителей и у Канта, остается проблема свободы. Вместе с тем Фихте — рубежный мыслитель. Он в отличие от своих предшественников не ограничивается анализом одних только формально-правовых оснований свободы и политических условий ее реализации (в их корреляции с моральной автономией индивида), но «открывает» социальное и экономическое измерение свободы и, по сути, ставит проблему ее укорененности не только в личном произволе отдельного человека, но и в intersubjectивных порядках взаимодействия людей; одновременно Фихте пытается дать содержательный ответ на вопрос о том, в чем заключается исторический смысл моральной и политической свободы человека и самой политики. Результатом такой переориентации основного интереса мыслителя становится концепция *замкнутого торгового государства* как инструмента достижения социальной справедливости и свободы.

Противоречия современной эпохи. Интересующее нас политико-правовое содержание фихтеанства заключается в материале анализа философом исторических предпосылок возникновения правового государства и возможности его развития до мыслимой на перспективу социальной полноты и, в частности, реализации подобной задачи в условиях создания «замкнутого торгового государства».

«Современная эпоха» согласно пониманию Фихте лежит в самом центре

всей совокупности времени. Она соединяет концы двух совершенно противоположных в своем принципе миров: мира темноты и мира ясности, мира принуждения и мира свободы, не принадлежа, однако, ни к одному из них (Фихте И.Г. 1993: 376]. В представлении Фихте, из двойственности нашего мира вытекают его основные противоречия. А именно.

Установка на достижение предельной личной свободы, понимаемой как атомарная «автономизация» личности, по сути, выражает современную тенденцию к эгоистической обособленности человека и бездуховно-гедонистическую ориентацию культуры на удовлетворение материальных потребностей членов общества. В социокультурном отношении данная ситуация отражает также утрату обществом органической целостности (историческую эррозию и деконструкцию традиционных общностей и распад связи индивида с целым, с *родом*); по сути дела — ситуацию разорванной социокультурной коммуникации, отсутствие универсальных ценностей и целей.

Экономически ситуация определяется институтом частной собственности, неравенством имуществ. Фактически речь идет об эксплуатации привилегированными слоями общества тех *сословий*, которые включены в *механическую работу* по обеспечению основных жизненных потребностей, — о присвоении привилегированным слоем результатов чужого труда.

В политико-правовом аспекте *правовое равенство* — при фактическом неравенстве людей (различия в уровне богатства) — порождает *неравенство прав*,

принципиальную неполноту и крушение политико-юридического идеала правового государства.

В социальном плане неравенство прав означает закрепление привилегий и господство несправедливости. Естественным состоянием современного общества, констатирует Фихте, является состояние глубокого взаимного отчуждения основных слоев общества. Одна глубокая пропасть существует в отношениях между *зажиточным и образованным средним сословием и привилегированными родами*. Второй разрыв социальной коммуникации существует во взаимоотношениях между *народом, или массой, и имущими слоями* (т.е. двумя первыми группами). Имущих масса считает *исключительно угнетателями, живущими народным потопом*, и любые попытки открытого контакта и уступки с их стороны вызывают в ней лишь подозрение *в искании новых выгод*.

В политической сфере господствующим мотивом является *ненависть к старому порядку*, побуждающая проектировать принципы правовой и государственной организации на основе *бессодержательных абстракций*, вытравливая сами основания *твердой и непреклонной внешней власти*. Политические действия утрачивает свою одухотворенную связь с социальным целым, с историческими задачами времени, мельчают, превращаясь в ничтожные и судорожно-беспомощные попытки реагировать на события на основе исторических прецедентов; они поэтому становятся (несмотря на свой либеральный «прогрессизм») безнадежно архаичными.

В международной политике властвует «война всех против всех», выражающаяся, в частности, в том, что *мир* (как противоположность войны) — это не более чем система неустойчиво-динамичного силового равновесия. *Общее состязание* европейских государств, их постоянная борьба за первенство образуют реальный мир политики, где главным аргументом явля-

ется *сила*, используемая как для поддержания *равновесия*, так и для его изменения, отражающийся в политике внутренней, в той совокупности вынужденных (*навязанных необходимостью*) мер, направленных на рост национальных ресурсов и принимаемых государством прежде всего ради самосохранения, — осуществляемых напряжением всех возможных сил, если только оно хочет сохраниться на политической карте Европы.

Положение, однако, абсолютно не безнадежно, *идея* свободы исторически движется к полноте своего воплощения именно через все эти противоречия, через (диалектическое) снятие отдельных и кажущихся изолированными их сторон в логически необходимом синтезе. Поэтому чрезвычайно важно не останавливаться на критической констатации противоречивости эпохи, но определить точку приложения наших усилий для того, чтобы сознательно направить последние в русло, соответствующее требованиям исторического прогресса.

Согласно Фихте государство (и одновременно вся область политической жизни общества) является в своем изменяющемся содержании выражением *исторического прогресса*. Непрерывная политическая борьба на современной (европейской) международной арене — двигатель истории: национальное государство вынужденно и бессознательно реализует цель всемирной истории. (Фихте многократно и настойчиво подчеркивает данную мысль как одну из центральных идей своего философского осмысления политической истории.) Каждое государство, способное к достижению максимально возможной высоты цивилизационного развития (становясь на время наиболее передовым *царством культуры*), необходимо выполняет — через агрессию, через экономическую и военную экспансию — культуртрегерскую миссию, приуготовляя тем самым возникновение подлинно универсального царства культуры.

Состояние современного государства и необходимости замкнутого торгового государства. Государство *нашего времени*, согласно Фихте, т.е. современное государство в наиболее развитых странах, находится в промежуточном состоянии, *еще работает над завершением своей формы: характерную черту нашего века в гражданском отношении составляет то, что теперь каждый гражданин со всеми своими силами более, чем когда-либо ранее, подчинен государству, внутренне захвачен последним и есть его орудие, и что государство стремится сделать это подчинение всеобщим и полным.* С другой стороны, характерным признаком современной государственной жизни является возникновение нового элемента политической культуры — *внутреннего проникновения гражданина государственностью* (Фихте И.Г. 1993: 512–513; 571).

Принципиальное препятствие на пути становления новой культуры — *неравенство прав*, источник социальной несправедливости и нестабильности. Ликвидация этого, по выражению Фихте, *остатка феодального строя* диктуется во внутригосударственной жизни прежде всего экономической необходимостью. Дело в том, что неравенство прав порождает неэквивалентный обмен; а этот последний, в свою очередь, препятствует государству извлекать максимально возможный хозяйственный эффект из необходимой для него практики полного использования трудовых возможностей его членов — *постоянно и систематически отнимать и поглощать все количество сил, какое только могут дать его... граждане* (Фихте И.Г. 1993: 569). Препятствие к этому — неравенство собственности. Неэквивалентный и непрямой (через рынок) обмен не позволяет достичь максимального эффекта, поскольку значительная часть сил работника в виде результата его труда затрачивается не на нужды государства и самого труженика, а на обслуживание привилегий имущих классов (в том числе и за пределами данного госу-

дарства). Вывод: государство кровно заинтересовано в установлении равенства собственности и ликвидации рыночных отношений. Следовательно, ключ к решению хозяйственных задач государства — установление социального равенства как равенства обмена на основе равенства собственности. Данную задачу решает замкнутое торговое государство.

Говоря о данном государстве, первых, следует ответить на вопрос о том, что оно такое. Замкнутое торговое государство — это в определенном смысле историческое завершение замкнутого правового государства (т.е. суверенного государства-нации). Если последнее представляет собой *замкнутую совокупность множества людей, подчиненных одним и тем же законам и одной и той же высшей принудительной власти*, то первое образуется на основе *замыкания* хозяйственной жизни данного сообщества в рамках экономического обмена этих и только этих людей между собою (Фихте И.Г. 1993: 227). При этом экономический суверенитет государства возникает из политико-правового его суверенитета и на основе последнего. Это значит, что экономическое замыкание государства происходит в результате политически организованных действий его центрального аппарата.

Исходным теоретическим постулатом Фихте, из которого выводится понятие замкнутого государства, является утверждение, что собственность — это не отношение человека к вещам, не владение вещами, закрепленное правом, а правовое отношение между людьми. Само владение вещами должно быть признано другими, чтобы оно стало устойчивым и безопасным. Но ни дерево, ни земля, ни какой-либо другой предмет в спор о праве владения между собой или с человеком не вступят. Поэтому собственность есть результат взаимного договорного ограничения возможности столкновения свободных сил самих индивидов. Фихте, таким образом, определяет пра-

во собственности как право, *исключающее действия, а не вещи*. Ведь именно *свободная деятельность — источник борьбы сил и их столкновения. Она, следовательно, и является тем предметом, о котором должны договориться спорящие; эта деятельность, а не вещи составляет предмет договора. Собственность на предмет свободной деятельности вытекает и выводится впервые из исключительного права на свободную деятельность* (Фихте И.Г. 1993: 237–239).

Второй необходимый момент в понимании собственности — это то, что только через государство устанавливается *покоящаяся на праве собственность*, поскольку только последнее соединяет некое количество людей в *замкнутое* (правовое) *целое, в общность (Allheit)*, — осуществляя это на основе *договора всех со всеми* (Фихте И.Г. 1993: 238–239). Договор всех со всеми, таким образом, распределяет сферу свободной деятельности между индивидами.

Правовой идеал предполагает равенство такого распределения. Действительное же равенство возникает исключительно на основе возможности равного присвоения результатов трудовой деятельности через процесс обмена ее результатами (в условиях неизбежного разделения труда).

Фихте выделяет три основных вида деятельности: добыча сырых продуктов, их переработка и посредническая (торговая) деятельность. Соответственно косяк социальной структуры образуют три *сословия*, занимающиеся этими видами деятельности. Особое положение занимают госслужащие (*общественные должностные лица*).

Каковы же условия обмена результатами деятельности (и соответственно, как бы могли сказать мы, структура производства, обмена, распределения и потребления) в «ныне существующем» обществе? Современное государство в экономическом отношении характеризуется Фихте как часть *большого торго-*

вого государства, или мирового рыночного хозяйства. Речь идет о рыночной системе, понимаемой Фихте как система отношений в рамках свободной купли-продажи, — отношений, которые необходимо предполагают неравенство обмена и, как следствие, — эксплуатацию человека человеком. Общее количество денег, циркулирующее в такой системе, эквивалентно по стоимости всей товарной массе, замечает Фихте. Однако *всегда будут те, кто периодически выручает количество товаров, превышающее денежной стоимостью то количество товара, которое ему приходится при равномерном разделе всего товара, а полученные за него деньги в товар, который он не сам добывает... и заставит этим других работать на него больше, чем он работает на них. ...Каждый хочет другого заставить работать на себя как можно больше и самому работать на него как можно меньше. Если ему в этом не препятствует никакой закон или власть, то он будет применять все возможные средства для того, чтобы добиться этого* (Фихте И.Г. 1993: 299).

Возникновение неравенства обмена, в свою очередь, ведет к *бесконечной войне всех против всех*. Напряженность и ожесточение такой войны все время возрастает по мере роста рынка, роста масштабов производства и раскручивания пружины роста потребностей. Причем то, что в условиях неразвитости рыночных отношений и низкого уровня потребностей (при *простом образе жизни наций*) обходилось без большой *несправедливости и притеснений, превращается при повысившихся потребностях в кричащую несправедливость и источник большого страдания*. Торговое сословие требует *свободы торговли*, т.е. на деле — свободы для продавцов (и стоящих за ними производителей) переполнять рынок товарами и, не находя сбыта, понижать цену ниже реальной стоимости. Отсюда — требование конкуренции. Если такая ситуация (перенасыщения рынка) возникает и цена катастрофически падает, *работник*

беднеет и трудолюбивые семьи гибнут от недостатка и нищеты. Продавец со своей стороны, чтобы защитить себя, прибегает к скупке товара, искусственному повышению цен или к понижению качества товара. В этом случае потребитель не получает гарантированного качества товара, он обманут. В этой ситуации, утверждает Фихте, никому не дано ни малейшего средства сохранить непрерывность своего состояния при непрерывности своей работы. Люди хотят быть совершенно свободными во взаимном уничтожении (Фихте И.Г. 1993: 301).

Национальное государство в экономико-политическом смысле слова образуется через взимание государством налогов со своих подданных *в мировых деньгах.* Все, вносящие подати, объединяются для правительства воедино в понятии *единственного тела, благосостоянием коего оно должно интересоваться.* Для правительства при этом существует только одно имущество: *имущество тела, вносящего подати.* Только теперь приобретает смысл понятие о национальном имуществе и о нации, которая обладает имуществом. (До этого момента существует нация, объединенная законами и общим судом, но нет нации, объединенной общим имуществом.) Однако, несмотря на такую форму объединения в единое государственно-экономическое целое, каждый подданный этого государства остается в своем представлении *отделенным от остальных и не имеет общего с ними интереса.* При таких условиях (при фактическом взаимном отчуждении подданных и национально-государственного целого, интереса частного и объективно наличного общего интереса), как считает Фихте, *всякая подать наносит ущерб внутреннему благосостоянию нации. Таково ее постоянное действие.* Дело в том, что государство все время стремится к сбору возможно больших налогов, не собирая при этом даже необходимого минимума. Поэтому его естественным и постоянным стрем-

лением является желание постоянно повышать уровень налогообложения. Но при таком повышении гражданин должен всякий раз настолько больше заработать, *не пользуясь результатом своего труда,* насколько больше он обязан отдать государству. Уровень благосостояния граждан при этом понижается. (Все это приводит еще и к накоплению потенциала взаимной ненависти между подданными и правительством и к войне между ними, которая с обеих сторон ведется *хитростью, а то и открытой силой:* возникает контрабандная торговля, обман правительства перестает быть предосудительным в глазах общественного мнения и становится средством самозащиты, необходимым условием экономической деятельности; правительство со своей стороны прибегает к жестким и враждебным превентивным мерам, применяя обыски и устанавливая режим тотального недоверия; *озлобление растет; с этого момента можно видеть контрабандистов, выступающими в поле вооруженными толпами против военных отрядов правительства* (Фихте И.Г. 1993: 316–317).

Торговые отношения между отдельным государством и остальным миром при этом могут иметь три варианта. Первый случай — равновесный торговый баланс. Второй — положительный баланс. Третий — баланс отрицательный. Однако, несмотря на наличие множества случаев третьего рода, мы не видим *наций, становящихся совершенно безденежными.* Причина этого — естественная убыль людей в беднеющих государствах: причина — эмиграция и повышенная смертность. При этом сохраняются естественные ресурсы, которые не следовало бы трогать, но которые распродают, а кроме того, государство продает еще и свою самостоятельность. Такое государство *получает непрерывно субсидии и превращает себя этим в провинцию другого государства, в средство для любых целей последнего* (Фихте И.Г. 1993: 302–305).

Экономическое неравенство наций ведет к тому, что правительства стремятся осуществлять протекционистские меры, добиваясь для своей нации *исключительных выгод* от пребывания в общей торговой республике. Это ведет к появлению наряду с опасностью войн из-за территориальных претензий и опасностей торговых войн: *разгорается скрытая торговая война*. Последняя имеет множество отрицательных форм и крайне опасных последствий: поощрение контрабанды, подрывающей экономическое могущество противника, подкуп, политический авантюризм и демагогия (*борющийся торговый интерес часто является истинной причиной тех войн, которым приписывается иной повод*), возникает стремление к господству над морями, к контролю торговых путей, которые должны быть свободны, *возникает исключительное право на торговлю с чужим народом*, — и из-за всего этого возникают кровавые войны (Фихте И.Г. 1993: 310–311).

Главное — то, что система свободной торговли не в состоянии устранить источник противоречий, неравенство обмена, так как она противоречит установлению учета соотношения товарной массы, которая выбрасывается на рынок, с одной стороны, устанавливаемых цен и потребности в этих товарах — с другой. Спасти положение в состоянии лишь система полного замыкания национального государства *от иностранной торговли* с введением искомого учета (Фихте И.Г. 1993: 314–317).

Итак, торговое замыкание государства происходит ради установления вышеуказанного баланса, который, по мысли Фихте, только и может избавить общество от социальной несправедливости и внутренней гражданской войны. В таком случае необходимо вернуться к политико-правовой области и указать, что, собственно, должно стать предметом политического регулирования и контроля в экономике.

Фихте считает, что полноценное правовое государство должно безусловно

обеспечить каждому члену политического сообщества его *исключительную собственность* (Фихте И.Г. 1993: 287). В таком случае в состав *договора всех со всеми*, регулирующего распределение свободной деятельности, должно войти определение количественного состава людей, занимающегося основными видами этой деятельности. Иными словами, речь идет о практике централизованного распределения трудовых ресурсов. Средством для осуществления политики такого распределения Фихте считает лицензирование деятельности в сочетании со своеобразной государственной биржей труда: каждый, кто желает заниматься определенным видом деятельности, должен подать заявку и получить официальное разрешение; в случае же если *кто-нибудь заявит о своем желании заняться такой отраслью искусства, в которой заполнена уже вышедшая, законом установленная норма работников, то ему не будет дано разрешение, и будут указаны другие отрасли, в которых могла бы оказаться нужда в его силах*» (Фихте И.Г. 1993: 247–248). (Рынок труда тем самым ликвидируется.)

Государство также должно поставить под контроль стоимостный объем производства. Дело в том, что производственное удовлетворение необходимых и насущных нужд должно быть приоритетным. Стоимостный объем производимых товаров должен определяться не потребностями в роскоши, а именно этими первостепенными нуждами: кусок хлеба может быть гораздо дешевле устрицы, но с точки зрения потребительской стоимости удовлетворять ту же самую потребность в пище. С другой стороны, *несправедливость в том и проявляется, что один может заплатить за то, без чего он может обойтись, в то время когда кто-либо из его сограждан не находит у себя или не может уплатить насущно необходимого* (Фихте И.Г. 1993: 247). Госконтролю подлежат также качество производимых товаров и цены на них; первое входит в условия получения и возобновления ли-

цензии. Разделение труда и повышение трудозатрат при достижении более высокого качества увеличивают масштабы экономического обмена. Соответственно этим потребностям государству следует определять количественный состав торгового сословия. Средство регулирования численного состава третьего сословия — то же, что и для остальных (лицензирование).

Важной сферой контроля является применение запрета, исключающего из сферы торговли непосредственный обмен внутри торгового сословия. Фактически это означает тотальную ликвидацию рыночных отношений. Только это обеспечит торговому сословию гарантированную занятость в его сфере деятельности. Но в таком случае данное сословие необходимо должно быть поставлено и под административно-правовой контроль государства. Речь идет не только о контроле за ценами, но и о контроле за соблюдением этим сословием социального контракта, согласно которому оно обязуется *в любое время* беспрепятственно принимать товары от других сословий и отпускать им эти товары. Другое положение дел, свойственное рынку и применяемым в его рамках торговым уловкам (скупка товаров и их искусственное удорожание), *не должно иметь места в правовом государстве* (Фихте И.Г. 1993: 251). Такого рода контроль за сферой торговли осуществляется на основе закона, предполагающего жесткие санкции против его нарушения, применяемые на основе *жалобы* о такого рода нарушении.

Выстраиваемая таким образом цепочка производства и обмена предполагает практически непосредственную связь производителя и потребителя при своего рода техническом посредничестве торгового сословия. В рамках этой цепочки торговое сословие контролирует производителей: на основе расчета потребности в товаре и знания производственных возможностей последних оно вправе требовать необходимых поставок,

прибегая в случае задержки к помощи администрации. Сама же администрация в этом случае не нуждается в средствах контроля за производителем, но контролирует торговое дело, хотя и делает это не непосредственно, а на основе обращений заявителей — по конкретным фактам нарушений (Фихте И.Г. 1993: 252).

В описываемом случае само государство выступает, по сути дела, всеобщим посредником и гарантом соблюдения всеобщего экономического баланса между производством, распределением и потреблением.

В принципе на основе вышесказанного можно задаться вопросом: сохраняются ли *деньги* (*искусственная основная мера стоимости*) (Фихте И.Г. 1993: 258)) как универсальное средство обмена в условиях ликвидации рынка и тотального огосударствления экономики? Ответ Фихте положителен. Более того, введение *туземных денег* и является экономическим рычагом торгового замыкания государства. Торговое и на этой основе и социальное замыкание государства происходит на основе перехода к замкнутому денежному обращению. Без денег невозможен ни эффективный экономический обмен, ни удобоприемлемый расчет стоимостных параметров экономики, ни контроль за ней. Поэтому деньги в замкнутом торговом государстве, как и во всяком цивилизованном сообществе, сохраняют свое значение универсального средства обмена.

Денежное обращение согласно Фихте — вещь весьма тонкая: законы и насилие не могут принудительно установить *отношение денег к товару*. Если государство произвольно установит цены, с которыми не согласны ни производитель, ни торговец, то владелец денег спрячет деньги, а производитель — товар, и торговля уничтожена. *К владельцу денег с насилием никак не подойдешь. К владельцу товара — только такими средствами, которые ненавистны и стоят очень дорого государству*. Если нет денег, то торговлю

нельзя ни учесть, ни законодательно регулировать. *Она сама устанавливает для себя цены и законы. Так было всегда, так всегда и должно оставаться.* Дело, однако, в том, что замкнутое торговое государство, граждане которого не имеют торгово-финансовых отношений с гражданами иных государств (внешнюю торговлю, осуществляемую по мере надобности, монополизировало оно же), *может сделать с деньгами все то, чего оно захочет* (Фихте И.Г. 1993: 271–273).

Речь не идет о произволе, как уже говорилось выше. Фихте имеет в виду следующее. Все расчеты внутри государства ведутся только на основании местных денег, которые тем самым становятся единственным платежным средством. Так возникают *туземные деньги*. Вопроса о том, принимают ли их за границы для замкнутого торгового государства, не возникает: *за границы как бы вообще не существует* (Фихте И.Г. 1993: 273). Государство само определяет их внутренний курс на основе установления удобного для него соотношения, оценивая то, *какою частью находящегося в обращении общего представителя всей стоимости должна быть оплачена всякая стоимость*: вся сумма находящихся в обращении денег представляет находящуюся в общественном обращении суммарную стоимость товара; соответственно десятая или сотая часть первых — десятую или сотую часть второй. *Будет ли эта сотая часть названа одним талером или десятью, или ста талерами — совершенно безразлично. Деньги сами по себе ничто. Только благодаря воле государства они представляют что-либо.* Далее: определяемое, помимо этого, стоимостное соотношение различных товаров, выраженное в определенных ценах в такого рода деньгах, фиксируется законом (таким образом законодательно устанавливаются твердые цены) (Фихте И.Г. 1993: 273–275). Дальнейшая задача — поддерживать стабильное соотношение находящихся в обращении совокупности то-

варных стоимостей и циркулирующей денежной массы. Увеличение последней зависит от роста первой (благополучие работающих и хорошо управляемой нации при условии экономической изоляции, как считает мыслитель, неизбежно будет расти). Для целей внешней торговли цены привязаны к ценам на золото. Сама внешняя торговля, однако, в конечном счете должна сойти на нет. *Цель, для которой правительство овладело торговлей с границей, — писал Фихте, — состояла в том, чтобы периодически сокращать эту торговлю и после определенного срока заставить ее совершенно прекратиться* (Фихте И.Г. 1993: 342).

Политика реализации задачи экономического замыкания государства. Что же касается предполагаемых шагов государства, совершаемых непосредственно перед образованием закрытого *торгового организма* и сразу после такого обособления, а также — предполагаемых последствий замыкания, то наиболее существенны из них следующие. (Речь идет о политике государства на своеобразный переходный период от момента принятия решения о прекращении свободного товарообмена с мировой хозяйственной системой — *большой торговой республикой*, как выражается Фихте — до полного экономического замыкания.)

Во-первых, заранее следует предпринять шаги к достижению государством положения, соответствующего его *естественным* (геополитическим) *границам* — более узким или более широким, чем те, которые оно имеет в настоящее время. Понятие этих границ органично определяется ходом конкретной национально-государственной истории. Это требование вызвано и необходимостью обладания замкнутым государством территорией с наличием необходимых *естественных ресурсов*, и нежелательностью иметь нужду в большой, постоянно готовой к войне и экономически обременительной армии. Потребность в обретении государством органично-замкнутого

жизненного пространства до совершения действий по торговому замыканию продиктована тем, что после замыкания возможность влияния на своих соседей у такого государства резко сократится. Если речь идет о присоединении новых провинций, то желательно, чтобы такая цель была достигнута без применения оружия или с минимальным применением военных средств (Фихте И.Г. 1993: 346). После осуществления подобного плана это государство обязано предоставить своим соседям реальные гарантии в том, что оно, начиная с определенного времени, не будет стремиться к увеличению своей территории.

Во-вторых, экономическая политика государства (в этот переходный период) должна быть направлена на создание условий для поддержания режима защиты прав потребителей в максимально возможной степени. Те товары иностранного происхождения (исключая предметы роскоши), которые имеют массовый спрос на внутреннем рынке, должны оставаться на нем. Лишь в перспективе, по мере создания производственных возможностей такого рода товары могут вытесняться отечественной продукцией аналогичного качества, — что не является неразрешимой проблемой при соответствующем развитии производства и наличии достаточно широкого спектра автономных сырьевых возможностей. Поставка на рынок товаров, которые не могут быть изготовлены в данной стране, поэтому должна сокращаться постепенно, не травмируя привычек потребителей. В итоге же товарное разнообразие конкретного рынка не только не сузится, но должно расшириться, считает Фихте.

В-третьих, необходимо изъять все находящиеся на руках у граждан *мировые деньги*, обменяв их на *новые туземные деньги*. Само введение новых денег должно быть произведено в возможно кратчайшие сроки, *одним ударом*, после осуществления подготовительных мер, внешне направленных на какую-либо

иную цель. Данное мероприятие нужно осуществлять таким образом, чтобы не возникло нужды *ни в строгости, ни в запрете, ни в карательном законе* (Фихте И.Г. 1993: 332).

В-четвертых, эмиграционная политика в переходный период — открытая, поскольку не следует опасаться хоть сколько-нибудь значительного оттока граждан за рубеж. Процент желающих уехать из страны может быть высок только вначале, и только среди тех, которым *новый порядок, который один только и является истинным порядком, мог бы показаться тягостным, гнетущим, педантичным* (Фихте И.Г. 1993: 350).

После того как внутри страны земледелие и промышленное производство доведены до требуемой степени совершенства, сбалансированы между собой и торговлей, достигнуто оптимальное численное соотношение различных групп, образующих социальную структуру, после того как государство обрело свои естественные границы, — *наступает полное замыкание торгового государства. Все, чем в стране пользуются или что продают, — произведено или сработано в стране. И наоборот. Все, что в стране будет произведено... в ней же будет использовано и или продано* (Фихте И.Г. 1993: 248–349). С этого момента ни правительство, ни частные лица не имеют не только денежных, но и иных сношений с заграницей¹. По мысли Фихте, (ненасильственными мерами) свертываются не только торгово-экономические отношения, но и внешняя, связанная с выездом за границу сторона гуманитар-

¹ *Государство, — как считает Фихте, — обязано законом и принуждением обеспечить всем своим гражданам такое положение, которое вытекает из этого равновесия сношений. Но оно не может этого сделать, если на это равновесие имеет влияние такая личность, которая не подчинена его законам и власти. Поэтому оно должно окончательно отсечь возможность такого влияния. Всякое сношение подданных с иностранцем должно быть запрещено и сделано невозможным* (Фихте И.Г. 1993: 259).

ных связей, которые тем самым становятся асимметричными по направленности движения человеческого потока: выезд за пределы страны целесообразно сохранять и даже поощрять только для научно-технических специалистов; вместе с тем можно ожидать наплыва посетителей из-за рубежа в цветущее замкнутое государство.

В целом Фихте ожидает, что сфера принуждения и применения насильственных мер в жизни замкнутого государства будет сведена к минимуму. Легкость управления и труда, проистекающая из высокого уровня организации всякого дела, осуществляемого по *твердо установленному плану* с жестким контролем и учетом действительно сделанного, осмысленность выдвигаемых целей, не позволяющая требовать чего-либо, *что только вызывает противодействие и все-таки никогда не сможет быть проведено в жизнь*, — все это обязательные элементы *твердо установленного порядка* в государстве. *В нем ничего не будет приказываться такого, к чему нельзя было бы понудить самими естественными средствами* (Фихте И.Г. 1993: 351–352).

Особенности существования и развития замкнутого государства таковы, что ему не придется содержать громоздкую и дорогостоящую армию (достаточно народного ополчения), будут ликвидированы вопиющее социальное неравенство и социальная нестабильность, снижены налоги, а тем самым будут устранены главные источники народного недовольства властью — налоговый пресс и воинская повинность — и главный источник преступности — пресс нужды и страха перед будущим. Этот новый образ жизни обновляет сердцевину национальной жизни, созидает осознание национального единства в совершенно новых формах (Фихте И.Г. 1993: 351–353).

Вернемся к исходному пункту рассуждения Фихте, к проблеме обеспечения равенства права собственности. Такое равенство может быть обеспечено

только в результате торгового замыкания государства. Государство тем самым *привязывает* к себе своих граждан, *гарантируя* каждому, что он *всегда будет иметь работу или сбыт своему товару, и в обмен на них приходящуюся на него долю в благах страны* (Фихте И.Г. 1993: 287). Именно эти **социальные гарантии** обеспечивают подлинную **социальную свободу, равенство и справедливость**. И именно установка на достижение данных целей обладает действительным потенциалом человечности в политике, а отнюдь не авантюрная склонность превращения жизни в игру, как считают те, *кто без усталости взывает к свободе, к свободе торговли и приобретения, к свободе от контроля и полиции, к свободе от всякого порядка и нравственности. Все, что имеет в виду строгую правильность и твердо установленный, совершенно равномерный ход вещей, является для них ограничением их естественной свободы* (Фихте И.Г. 1993: 355–357).

Способ достижения справедливости для Фихте связан, таким образом, с необходимостью почти полного, пожалуй, забвения частного интереса и вытеснения его интересом всеобщим — такова цена социальной интеграции человека. В свою очередь, только эта интеграция есть условие возможности «социализации» государства, его «гуманизации» и достижения обществом полной справедливости, — и она осуществима исключительно на пути растворения человека в объективном функциональном совершенстве целого, в рамках подчинения личности внешней регламентации и необходимой дисциплине этого целого, в пределах которых нет и не должно быть места авантюрной индивидуальной свободе, самопроизвольности, спонтанности. Социальная свобода у Фихте должна поглотить свободу индивидуальную, отождествляемую в экономике и политике с произволом и дисфункцией².

² Это не мешает Фихте в число параметров европейского качества жизни, по которым

Отсюда у Фихте — тенденция к абсолютизации государства как такового в форме постулирования предпосланной ему и существующей помимо реально-го взаимодействия людей их родовой сущности, *идеи*, которой государство дает внешнюю реализацию в индивидуумах. Отсюда же — платоническая утопия *абсолютного государства (государства разума)* как своеобразного «Града Божьего» (Гайденко П.П. 1979: 215)³.

И тем не менее Фихте не считает содержание свободы искаженным такой интерпретацией. Он, по сути, желает сказать нам следующее. «Современное» государство, подчиняя человека социальному целому и стремясь в тенденции к его полному растворению в этом целом (к предельной социализации), создавая принудительную «механику» такой социализации, на самом деле — через противоречия в своем развитии, скрыто и бессознательно — способствует реализации совсем иной цели, а именно осуществлению подлинного вочеловечения чело-

века, достижению состояния, в котором духовный потенциал религии, науки и добродетели позволит совершить скачок в область актуальной свободы, *царство культуры* (где будет преодолен смысловой разрыв, противоречие между мотивом и действием, личной автономией и подчинением интересам целого, частным интересом и интересом всеобщим, смыслом и его воплощением, потребностью и ее удовлетворением, любовью-состраданием и возможностью реализации ее потенциала, между субъектом и объектом). «Современное» государство, пронизывая человека гражданственностью, самым решительным образом, хотя и исподволь, наращивает духовный потенциал такого освобождения. Только государство, наконец, может — при определенных условиях — стать связующим звеном между «нынешней» эпохой и царством свободы. Поэтому политика не бездуховна, она может быть одухотворена и воодушевлена именно этой возможностью.

необходимо достижение наибольшей привлекательности страны, включать прежде всего такой показатель, как способность государства эффективно обеспечить защиту и гарантированное выполнение гражданских прав человека (см.: Фихте 1993: 566). И тем не менее это отражается на понимании свободы политической: свое понимание соотношения между гражданской и политической свободой Фихте выражает следующим афоризмом: *Безусловно необходима гражданская свобода, притом в равной для всех степени, политическая же свобода необходима не более, чем для одного* (там же: 516).

³ Об утопических чертах проекта Фихте см.: Новгородцев П.И. 1991: 127–128 ; Гайденко П.П. 1990: 86–88.

Литература

1. Гайденко П.П. 1979. Философия Фихте и современность. М. : Мысль.
2. Гайденко П.П. 1990. Парадоксы свободы в учении Фихте. М. : Наука, 1990.
3. Новгородцев П.И. 1991. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991.
4. Фихте И.Г. 1993. Замкнутое торговое государство // Соч. в двух томах. Т. 2. СПб. : Мифрил. С. 225–357.
5. Фихте И.Г. 1993. Основные черты современной эпохи // Соч. в двух томах. Т. 2. СПб. : Мифрил. С. 361–617.
6. Fichte I.G. Werke. Auswahl in sechs Bänden. Hrsg. von F. Medicus. Leipz., 1908–1911. Bd. 2.